

СОФЬЯ ЮРЬЕВНА СУХАНОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской и классической филологии
Томский государственный университет
(Томск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-0205-7655; suhanova_sofya@mail.ru

РЕЦЕПЦИЯ САПФО В СБОРНИКЕ Т. КИБИРОВА «AMOUR, EXIL...»

А н н о т а ц и я . Исследуются формы и смыслы рецепции Сапфо в поэзии Тимура Кибирова (на материале сборника «Amour, exil...»). В 1950–2010-х годах Сапфо становится объектом активного научного и переводческого интереса. Параллельно ее поэтическое наследие и образ-миф вовлекаются в актуальный литературный процесс, становясь источником вдохновения и предметом поэтической рефлексии. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения устойчивой тенденции обращения современной поэзии к античному интертексту, причины которой требуют объяснения в рамках новейшей научной парадигмы. В работе использованы структурный, сравнительный и герменевтический методы. В сборнике Т. Кибирова выявлены несколько уровней восприятия и интерпретации Сапфо: использование логэдов, имитация и интерпретация сапфической строфы, мифологема легендарной биографии Сапфо, ее страсть к Фаону и самоубийство, наконец, цитирование оды Сапфо (Sa. 31, Loebel-Page). Телесность, физиологические детали как собственного любовного томления, так и тела возлюбленной в конце 1990-х воспринимаются в том числе и как вариант освобождения, свободы частной жизни и интимности. Обращение к Сапфо вводит в сюжет сборника принципиальное открытие телесного и эротического на новом этапе его исследования поэтом. Делается вывод, что непосредственная данность переживаемого чувства у лирического героя Т. Кибирова утрачена и всегда опосредована знаками прежней культуры. Это и определяет необходимость игры, вмещающей множество вариаций метра, образов, мысли и даже имени Сапфо, что не отменяет истинности чувства. **К л ю ч е в ы е с л о в а :** современная русская поэзия, Тимур Кибиров, рецепция, цитата, Сапфо, сапфическая строфа. **Д л я ц и т и р о в а н и я :** Суханова С. Ю. Рецепция Сапфо в сборнике Т. Кибирова «Amour, exil...» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 3. С. 85–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1305

ВВЕДЕНИЕ

Личности Сапфо и ее поэзии в русской литературе посвящено стихотворений больше, чем какому-либо другому античному автору [11: 14]. Первым перевел две оды Сапфо в 1755 и 1758 годах А. П. Сумароков. С этого времени обращение к творчеству Сапфо носит постоянный характер и сочетается «с пристальным вниманием к внедрению и усовершенствованию античного логэдического размера, каким является сапфическая строфа» [11: 46]. Число переводов и подражаний самой известной оды (Sa. 31, Loebel-Page) к настоящему времени более 50.

Переводы фрагментов Сапфо на русский язык, которые читали в XX веке и читают до сих пор, появились в 1914–1915 годах. Это два наиболее полных издания переводов на русский язык фрагментов Сапфо, сделанные Вяч. Ивановым¹ и В. В. Вересаевым².

Феномену «Сапфо в России» посвящена монография и серия статей Е. В. Свиясова, который исследует и художественную, и отчасти исследовательскую рецепцию как наследия Сапфо, так и ее легендарной биографии с первых попыток использовать сапфическую строфу Симеона Полоцкого во второй половине XVII века до 1917 года, когда, по мнению исследователя, «в пепел и дым превратился в послереволюционное время и феномен “Сапфо в России”» [11: 334]. Однако внимание и интерес к творчеству Сапфо не только не исчезли, но и не прерывались, о чем свидетельствуют многочисленные переиздания переводов Вяч. И. Иванова³ и В. В. Вересаева, а также накопленная к настоящему моменту обширная исследовательская рефлексия и поэтики Сапфо, и всевозможных культурно-исторических вопросов, связанных с ней, и временем ее жизни, и интерпретации ее поэзии в новой литературе и культуре (см. исследова-

ния В. В. Зельченко [2], М. Н. Казанской [14], Т. Г. Мякина [4], [5], В. В. Петрова [8], О. М. Савельевой [10] и др.). Новые переводы Сапфо на русский язык продолжают появляться и в изучаемый период. В частности, во второй половине XX века Сапфо переводят Я. М. Боровский, М. Л. Гаспаров, Я. Э. Голосовкер, И. А. Евса (в соавторстве с А. К. Шапошниковым), С. Я. Лурье, С. А. Ошеров, А. В. Парин, С. И. Радциг, О. В. Смыка, Н. А. Старостина, Г. А. Стратановский, Э. Г. Юнц и др.

Активная исследовательская, переводческая, критическая рефлексия становится знаком новой волны интенсивного интереса к Сапфо, особенно в связи с введением в научный оборот новых папирусных находок в XXI веке. Так, Камилло Нери отмечает

«...la copiosissima produzione ‘saffologica’ dell’ultimo ventennio, dominate dalle nuove scoperte papirologiche e da un fertile dibattito condotto dagli studiosi attraverso scambi epistolari, seminari, simposi, convegni, con i loro numerosissimi riflessi a stampa e/o sul web»⁴ [15: VIII].

Следствием этого процесса становится и вовлечение творчества Сапфо и мифологем, связанных с ней, в круг поэтических размышлений в период 1950–2010-х годов.

Рецепция античности в русской культуре – предмет непрекращающихся исследований в науке XX–XXI веков. Однако объяснить причины постоянного присутствия античности в художественном сознании современного человека в настоящее время необходимо в контексте новейшей научной парадигмы. Тенденция включения античного интертекста в современные поэтические тексты, обращения современного сознания к античной культуре требует изучения. Актуальность работы определяется объектом анализа, современной поэзией, требующей всестороннего изучения.

Целью статьи является исследование рецепции творчества Сапфо в сборнике стихотворений Тимура Кибирова «Amour, exil...»⁵ (написанном в 1999 году, а опубликованном в 2000), который входит также в другие книги поэта на правах цикла.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ

Название и эпиграф сборника не только открывают центральную коллизию – страстное мучительное стремление героя, немолодого поэта, к соединению с юной возлюбленной, но и исчерпывают ее. Название – цитата из стихотворения А. С. Пушкина: «Amour, exil – / Какая гиль!» из альбома А. П. Керн, которое является при-

пиской к чьим-то плохим стихам о любви, с пометой «написано в изгнании»⁶. Эпиграф латиницей прикрывает или подменяет настоящее чувство стебом: «I ne nado vsjo vremena povtorjat: “Daj, Marija, da daj, Marija!” Izvestno ved, chem eto konchaetsja! E-mail» (442).

Страсть сочетается с трезвым осознанием невозможности физического наслаждения, а поэтическое воплощение чувства сталкивается с банальностью, бессилием творчества и множественностью в культуре подобных изображений. Мотивы, составляющие любовную тему сборника, приобретают опосредованный, умозрительный характер [9: 243]. Лирический герой – поэт – встраивает свои переживания в культурный ряд: Фаон и Сапфо, Катулл и Лесбия, Проперций и Делия, Данте и Беатриче, Петрарка и Лаура, Пушкин и Гончарова и т. д. Подлинной коллизией становится, таким образом, столкновение между желанием, дающим потерянное ощущение полноты и новизны жизни, и безыллюзорным пониманием тщетности желания, невозможности и банальности соединения. Вместе с тем телесность, физиологические детали как собственного любовного томления, так и тела возлюбленной в 1999 году воспринимаются в том числе и как вариант освобождения, свободы частной жизни и интимности. Несмотря на то что уже в XIX веке в европейской культуре, по словам авторов и составителей сборника статей, вышедшего в 2005 году, «Тело в русской культуре» Г. И. Кабаковой и Ф. Конта, начинает преодолевать антиномия тело – душа и тело становится предметом философской и художественной мысли,

«идеологические препятствия, возникавшие (и возникающие) на пути показа и анализа тела в России, вполне очевидны: с одной стороны, это подозрительность, с которой православная традиция относилась к телесности, с другой – цензура советской эпохи, столь же рьяно борováшаяся с любыми намеками на физиологичность» [12: 6].

Обращение к Сапфо, для которой любовь – «высшая жизненная ценность» [13: 281], вводит в сюжет сборника телесное и эротическое на новом этапе его исследования поэтом.

В разделенном на четыре части сборнике, что предполагает четырехактное развитие коллизии, Сапфо «участвует» в трех из них. Разного рода цитирование Сапфо встречается в трех стихотворениях: «Близко к сердцу прими меня, Таша, ближе...» (2-я часть) (456), «Фотографии Ваши – увы – нечетки...» (2-я часть) (460), «Заявка на исследование» (3-я часть) (462–463). Еще

в одном стихотворении – «Делия! Ты упрекаешь меня, горемыку...» (4-я часть) (474–475) – Сапфо упоминается.

В сборнике можно выделить несколько уровней восприятия и интерпретации Сапфо: использование логэдов, имитация и интерпретация сапфической строфы, мифологема легендарной биографии Сапфо, ее страсть к Фаону и самоубийство, наконец, цитирование оды Сапфо (Sa. 31, Loebel-Page).

Два из четырех стихотворений написаны логэдами, являющимися переработкой русской сапфической строфы, состоящей из сапфического одиннадцатисложника и адония и являющейся самым распространенным логэдом в русской поэзии [7]. В современной литературе достаточно активно используется ритмическая имитация сапфической строфы, как с цезурой после пятого слога, так и без, а также всевозможные дериваты (термин М. Л. Гаспарова) этой имитации.

В стихотворении «Близко к сердцу прими меня, Таша, ближе...» одиннадцатисложники (причем две строки – практически точное его воспроизведение) чередуются с двенадцатисложниками. Вместо адония – шестисложник с двумя ударениями. Тонические строфы без рифмы довольно легко распознаются читателем как сапфические, тем более что это поддерживается графически: визуально три длинные строки и одна короткая.

Во втором стихотворении «Фотографии Ваши – увы – нечетки...», имитирующем сапфическую строфу, дана иная ее вариация. Во-первых, каждые первые два стиха рифмуются, во-вторых, больше чистых одиннадцатисложников, структурирующих строфы именно как сапфические, три длинных стиха сопровождаются коротким, при этом длинные чаще всего содержат двенадцать слогов, а короткие – шесть, стих тонический (четыре ударения в длинных, два в коротких), при этом несколько длинных стихов точно воспроизводят русский одиннадцатисложник Сапфо (6-й, 9-й, 10-й и 12-й стихи).

По словам М. Л. Гаспарова, остается неизученным вопрос, «насколько может удаляться форма деривата от исходной формы, чтобы сохранялось ощущение их связи и, соответственно, семантический ореол исходной формы» [1: 133]. Однако в этих стихотворениях прямо утверждается следование лирической интенции Сапфо («Сафе вторя») и обыгрывается ее «огненное» стихотворение (Sa. 31, Loebel-Page). Такого сочетания достаточно, чтобы четверостишия напоминали сапфические строфы, поддерживая

на ритмическом уровне связь стихотворения и по теме, и по стилю, и по лирическому сюжету и настроению с одой Сапфо. Подобные вариации-дериваты свойственны не только метрической имитации Сапфо, но и интерпретации цитат из ее оды (31 E. Lobel, D. Page). Ода (31 E. Lobel, D. Page) «φαίνεται μοι κῆνος ἴσος θεοῖσιν...» («Кажется мне тот равным богам...») ⁷, самое известное и наиболее востребованное стихотворение Сапфо на протяжении всей истории как мировой, так и русской литературы: «Il carme più famoso, imitato, 'tradotto' e studiato della letteratura occidentale – da Catullo... a Foscolo... da Racine... a Tennyson» ⁸ [15: 620]. Оно остается таким в русской культуре и в рассматриваемый период: его переводят (С. А. Завьялов, И. А. Евса), пародируют (Т. Кибиров), оно входит в оригинальные произведения в виде цитат и аллюзий (Т. Кибиров, Н. М. Кононов).

Смысловый и художественный центр оды Сапфо – это описание физических симптомов влюбленности:

«Il carme... era invero un'ode sulla passione d'amore, quell'esplosivo insieme di reazioni psicofisiche che l'io parlante prova di fronte alla bellezza di una giovane, in dolce colloquio con un uomo davvero beato» ⁹ [15: 620].

Автор позднеантичного риторического трактата «О возвышенном», благодаря которому до нас дошла эта ода, отмечает «психологизм поэтессы» и «ее умение объективизировать свои чувства и изображать их внешние проявления» [6: 129]. Сапфо описывает физические симптомы состояния влюбленного с особой отстраненностью; несмотря на силу своих чувств, она может смотреть на них со стороны:

«Разве не поразительно умение поэтессы обращаться одновременно к душе, телу, ушам, языку, глазам, коже, ко всему, словно ставшему ей чужим или покинувшему ее; затем, объединяя противоположности, она то холодеет и сгорает, то теряет рассудок и вновь его обретает, то почти прощается с жизнью и впадает в неистовство. Делается это, чтобы раскрыть не одно какое-нибудь чувство, овладевшее ею, но всю совокупность чувств. А это как раз и происходит в жизни с влюбленными» ¹⁰.

Лирический герой в сборнике «Amour, exil...» цитирует, повторяя в двух стихотворениях и уточняя мысль Сапфо. Лирическая ситуация – это момент напряженного, почти болезненного любовного томления и разлуки.

В первом стихотворении, которое начинается с интенсивного, почти молитвенного призыва, герой просит не просто духовной, а конкретной, физической близости, описывая ее с тактильной точностью: «ближе, / чем бюстгальтер, паль-

цам моим знакомый» (456). В начале первой строки в сильной позиции стоит слово «близко», эксплицитно отсылающее к оде Сапфо в переводе В. В. Вересаева, в котором наречие удваивается «близко-близко». У Т. Кибирова слово «близко» всего в четырех строках используется трижды, второй и третий раз дается в сравнительной степени, что создает градацию: близко, ближе, еще поближе. Симптомы любовного томления, физическое состояние влюбленного не изображаются, напротив, акцент смещается на возлюбленную. Просьба «И еще поближе» выводит это желание за границы физического, в почти метафизическую сферу полного слияния. Однако на пике страсти герой «спотыкается» о собственное чувство и осознает его нелепость через литературную параллель. Отношения лирического я и героини отождествляются с мифологемой о Сапфо и Фаоне, но переворачиваются: «ты Фаон, я Сафо». Лирический герой – влюбленный поэт, а героиня не отвечает ему взаимностью. Иллюзорность их отношений подчеркивается использованием этой мифологемы.

В стихотворении «Заявка на исследование» сюжет Сапфо и Фаона (в одном ряду с Петраркой и Лаурой, Данте и Беатриче) необходим для проверки гипотезы: невозможность осуществления желания и любовного наслаждения для частного человека оказывается сокровищем для поэта и для мировой поэзии, но парадоксальным образом лирический герой Т. Кибирова – хотя и поэт – готов проверить катастрофичность для творчества утоленного желания: «Ведь интересно? Так давай вдвоем / мы опытным путем ответ найдем!» (463). Такой же инверсии, как мифологема Сапфо – Фаон, подвергается цитата из оды Сапфо: «Но и вправду блаженством богам я равен, / когда я с тобою» (456).

В оде Сапфо иной персонаж, не лирическая героиня, «равен богам» своим счастьем сидеть перед этой девушкой (так интерпретируется начало оды в переводе В. В. Вересаева – претексте анализируемых стихотворений Т. Кибирова). Этот третий персонаж – фигура контраста, введенная в стихотворение, чтобы оттенить эмоции Сапфо, – объект многочисленных интерпретаций, как и в целом «любовный треугольник» в лирической ситуации оды, начиная с перевода Катулла и до настоящего времени. Цитирование и перелицовка первой строфы оды в сборнике Т. Кибирова, с одной стороны, воплощает множественность ее многовековых интерпретаций, а с другой – особое авторское отношение с претекстом. По словам В. Кулакова,

«даже наиболее насыщенные цитатами вещи Кибирова центонами не являются: Кибиров раздрает цитаты в ключья, лишая их благородной нейтральности, заставляя их звучать не своим, а его, кибировским... голосом» [3: 86].

В двух стихотворениях сборника, где цитируется первая строфа оды Сапфо, и позиция лирического героя, и любовный треугольник, и причина блаженства трактуются совершенно своеобразно – и учитывая, и как будто не учитывая предшествующую литературную традицию.

В первом стихотворении («Близко к сердцу прими меня, Таша, ближе...») именно лирический герой равен богам, когда он с любимой. Но в том-то и дело, что эта ситуация близости трактуется как невозможная, абсурдная: «как нелепо это», «Умора просто» (456), что проясняется в третьей строфе: встречи и близость оказываются сновидением: «Лишь Морфей... / помогает покамест мне – еженощны / наши встречи, Таша!» (456)

Второе стихотворение продолжает тему воображаемой близости: лирическая ситуация разглядывания фотографии вновь провоцирует обращение к Сапфо, прямо названной. Источник цитаты атрибутируется эксплицитно: «Сафе вторя». Благодаря сослагательному наклонению, подчеркнутому наречием «наяву», лирическая ситуация становится еще более далекой от реальности.

«...и, Сафе вторя,
я к богам их причислить готов. Счастливыцы!
На одно мгновенье

вместо них бы мне оказаться рядом
и глядеть на Вас ошалелым взглядом,
вместо них наяву слышать смех Ваш славный,
замеров от счастья» (460).

Образ возлюбленной конкретизируется за счет деталей ее внешнего облика: улыбка, челка, тень ключицы, головы склоненье, славный смех, но также есть и состояние влюбленного: «ошалелым взглядом», «замеров от счастья» (460).

Вместо одного персонажа лирический герой «к богам причислить готов» всех, кто на фотографии, – как минимум четырех, в перечислении которых используется фигура умолчания, вызывающая ассоциации одновременно с научными изданиями Сапфо, с необходимостью отмечающими лакуны в рукописях, и с переводами Катулла С. В. Шервинским, в которых точки заменяют практически непереводимую экспрессию римского поэта¹¹: «Вот... и... .. и... / получились лучше...» (460).

Отсылка к интерпретации этой оды Сапфо Катуллом также присутствует в сборнике – в сти-

хотворении «Делия! Ты упрекаешь меня, горемыку...» есть и «тебе кажется», и «Лесбию видя», и намек на пресекающийся голос, а также на размышления о творчестве Сафо.

«Как тебе кажется – мог бы Катулл состязаться с самым последним из риторов, Лесбию видя?

Мог бы спокойно он с ней обсуждать красоту и величье песен Омира и Сафо?» (474)

Цитата из Сафо в стихотворении «Фотографии Ваши – увы – нечетки...» подвергается иной инверсии, чем в первом стихотворении. Лирический герой мечтает на мгновение оказаться рядом (в отличие от лирического я Сафо) и считает блаженством как раз то, что лирическая героиня Сафо мукой – болезненные физические ощущения, вызываемые объектом страсти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в сравнении с чувственностью Сафо состояние лирического героя Т. Кибирова усложняется. Лирический герой – скептик, в полной мере он не доверяет ни своим чувствам,

ни миру, ни языку, лишенным определенности, поэтому и не уверен, что подлинное слияние с любимой возможно. Поэтический язык, которым изображена любовь у Сафо (как и у других поэтов), уже не дает возможности выразить противоречивую сущность любовного чувства человека конца XX века. При этом герой Т. Кибирова понимает, что все предшествующие коды изображения любви в мировой литературе с неизбежностью присутствуют в лирическом высказывании. Герой и героиня в художественном мире Т. Кибирова знают этот язык, поэтому непосредственная данность переживаемого чувства утрачена и всегда опосредована знаками прежней культуры. Это и определяет необходимость преодоления знаковой оболочки мира, что достигается опробованием множества вариаций метра, образов, мысли и даже имени Сафо (в четырех стихотворениях используются четыре варианта имени: Сафó, Сафа, Сáфо, Сафо). Перебор культурных вариантов переживания подобного состояния может включать не только иронию, но и серьезную модальность, поскольку не отменяет истинности чувства, стремления соединиться с миром через его часть (любимую).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Иванов Вяч. И. Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1914. 216, [1] с.
- ² Вересаев В. В. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 10. М.: Недра, 1930. С. 157–192.
- ³ См. совсем недавнее издание: Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. Третье, перераб. изд. / Науч. ред., сост., вступ. ст. и текстология К. Ю. Лаппо-Данилевского; Коммент. С. А. Завьялова. СПб.: Изд-во имени Н. И. Новикова, 2018. LXIV, 396 с.
- ⁴ «... Большое по объему “саффическое” наследие последних двадцати лет, основанное на последних открытиях папирологии и плодотворной научной дискуссии, которую ведут исследователи посредством эпистолярного обмена, семинаров, симпозиумов и конференций, что отражается в многочисленных печатных и/или интернет-изданиях (перевод здесь и далее мой. – С. С.)».
- ⁵ Кибиров Т. Ю. Стихи о любви. М.: Время, 2009. 896 с. Далее ссылка на это издание дается в круглых скобках с указанием страницы.
- ⁶ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати и коммент. М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.; Л.: Academia, 1935 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pushkin-lit.ru/pushkin/documents/zapisi-v-albom/index.htm> (дата обращения 13.09.2025).
- ⁷ Greek lyric. Vol. I: Sappho and Alcaeus. (D. A. Campbell, Ed., Trans.). Cambridge; London: Harvard University Press, 1982. P. 78–80.
- ⁸ «Самое известное произведение западной литературы, которому чаще всего подражают, которое больше всего переводят и изучают – от Катулла... до Фосколо... от Расина... до Теннисона...».
- ⁹ «Это произведение... представляло собой, в сущности, оду любовной страсти – тому взрывному комплексу психофизиологических реакций, которые лирическое “я” испытывает перед красотой юной девушки, пребывающей в сладостной беседе с поистине счастливым мужчиной».
- ¹⁰ О возвышенном / Пер., статьи и примеч. Н. А. Чистяковой. М.; Л.: Наука, 1966. С. 24.
- ¹¹ См., например, 16 стихотворение Катулла: Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений / Пер. С. В. Шервинского; Примеч. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1986. С. 14. (Литературные памятники).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. Издание второе (дополненное). М.: Фортна Лимитед, 2001. 288 с.

2. Зельченко В. В. *Puellae populares* (Нор. Carm. II, 13, 25) // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XXIII (чтения памяти И. М. Тронского): Материалы Междунар. конф., 24–26 июня 2019 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2019. С. 360–369.
3. Кулаков В. Г. Постфактум. Книга о стихах. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 232 с.
4. Мякин Т. Г. Сафо: Язык, мировоззрение, жизнь. СПб., 2004. 223 с. (Серия «Античная библиотека».)
5. Мякин Т. Г. Через Кельн к Лесбосу: встреча с подлинной Сафо. Новосибирск: Новосибирский нац. исслед. гос. ун-т, 2012. 174 с.
6. О возвышенном / Пер., статьи и примеч. Н. А. Чистяковой. М.; Л.: Наука, 1966. 150 с.
7. Орлицкий Ю. Б. Сафическая строфа как способ презентации образа Сафо в русской литературе Серебряного века // «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма / Отв. ред. член-корр. РАН А. Л. Топорков. М.: Индрик, 2015. С. 32–53.
8. Петров В. В. Эос и Тифон: метаморфозы телесности // ΣΧΟΛΗ. 2023. Vol. 17.2. P. 899–938. DOI: 10.25205/1995-4328-2023-17-2-899-938
9. Рытова Т. А. Гедонизм как проблема: сборник Т. Кибирова «Amour, exil...» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 5. Гедонистическое мироощущение и гедонистическая этика в интерпретации русской литературы XX века / Ред. Т. Л. Рыбальченко. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. С. 241–252.
10. Савельева О. М. Греческая лирика как «бесспорная литература» // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XVI (чтения памяти И. М. Тронского): Материалы Междунар. конф., 18–20 июня 2012 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2012. С. 742–749.
11. Свиясов Е. В. Сафо и русская любовная поэзия XVIII – начала XX веков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 397 с.
12. Тело в русской культуре: Сб. ст. / Сост. Г. Кабакова и Ф. Конт. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 400 с.
13. Ярхо В. Н. Поэзия культового содружества: Сафо и Алкей // Ярхо В. Н. Ранняя греческая лирика. СПб.: Алетейя, 1999. С. 266–310.
14. Kazanskaya M. N. Sappho fr. 183 Voigt (= Alcaeus fr. 412 Voigt) and ancient scholarship on the αἰγις // Indo-European linguistics and classical philology – XIX: Proceedings of the 19th conference in memory of Professor Joseph M. Tronsky (22–24 June 2015). (N. N. Kazansky, Ed.). St. Petersburg: Nauka, 2015. P. 310–327.
15. Saffo, testimonianze e frammenti / Introduzione, testo critico, traduzione e commento di Camillo Neri. De Gruyter, 2021. 1124 p. DOI: 10.1515/97831100735918-201

Поступила в редакцию 22.10.2025; принята к публикации 13.02.2026; дата публикации 31.03.2026

Original article

Sofya Yu. Sukhanova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-0205-7655; suhanova_sofya@mail.ru

RECEPTION OF SAPPHO IN THE COLLECTION OF POEMS *AMOUR, EXIL...* BY TIMUR KIBIROV

Abstract. The aim of the article is to analyze the reception of Sappho in the collection of poems *Amour, Exil...* by Timur Kibirov. From 1950 to 2010, Sappho's poetry underwent extensive research, translation, and critical reflection; to these were added reflections on her work and the mythologems associated with her, which were incorporated into the realm of poetic contemplation. The relevance of this study is determined by the need to examine the persistent trend of modern poetry's engagement with classical intertext, the reasons for which require explanation within the framework of the latest scientific paradigm. The research employs structural, comparative, and hermeneutic methods. Several levels of perception and interpretation of Sappho were identified in Kibirov's collection of poems during the course of the study: the use of logaopedics, imitation and interpretation of the Sapphic stanza, the mythologem of Sappho's legendary biography, her passion for Phaon, her suicide, and, finally, the citation of Sappho's ode (Sa. 31, Loebel-Page). In the late 1990s, corporeality and physiological details of both one's own amorous languor and the body of the beloved were perceived as a form of liberation, freedom of private life, and intimacy. The appeal to Sappho introduces the discovery of the bodily and erotic at a new stage of its exploration by the poet into the collection's plot. It is concluded that the immediate reality of the experienced feeling is lost by Kibirov's lyrical hero and is always mediated by the signs of the previous culture. This determines the necessity of a game encompassing a multitude of variations of meter, thought, and even the name of Sappho, none of which negates the authenticity of the feeling.

Key words: contemporary Russian poetry, Timur Kibirov, reception, quotation, Sappho, Sapphic stanza

For citation: Sukhanova, S. Yu. Reception of Sappho in the collection of poems *Amour, Exil...* by Timur Kibirov. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(3):85–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1305

REFERENCES

1. Gasparov, M. L. Russian verse of the early XX century through commentary. Moscow, 2001. 288 p. (In Russ.)
2. Zel'chenko, V. V. Puellae populares (Hor. Carm. II, 13, 25). *Indo-European linguistics and classical philology – XXIII (readings in memory of Professor Joseph M. Tronsky): Proceedings of the international conference (24–26 June 2019)*. (N. N. Kazansky, Ed.). St. Petersburg, 2019. P. 360–369. (In Russ.)
3. Kulakov, V. G. Post Factum. A book about poetry. Moscow, 2007. 232 p. (In Russ.)
4. Myakin, T. G. Sappho: Language, worldview, life. St. Petersburg, 2004. 223 p. (In Russ.)
5. Myakin, T. G. Through Cologne to Lesbos: A meeting with the real Sappho. Novosibirsk, 2012. 174 p. (In Russ.)
6. On the sublime. (N. A. Chistyakova, Trans., Annot.). Moscow; Leningrad, 1966. 150 p. (In Russ.)
7. Orlitsky, Yu. B. The Sapphic stanza as a means of presenting the image of Sappho in Russian literature of the Silver Age. *“Eternal” themes and images in the literature and art of Russian modernism*. (A. L. Toporkov, Ed.). Moscow, 2015. P. 32–53. (In Russ.)
8. Petrov, V. V. Eos and Tithonus: metamorphoses of corporeality. *ΣΧΟΛΗ (Schole)*. 2023;17.2:899–938. DOI: 10.25205/1995-4328-2023-17-2-899-938 (In Russ.)
9. Rytova, T. A. Hedonism as a problem: collection of poems *Amour, Exil...* by Timur Kibirov. *Russian literature in the XX century: names, problems, cultural dialogue*. Issue 5. Hedonistic worldview and hedonistic ethics in the interpretation of the twentieth-century Russian literature. (T. L. Rybal'chenko, Ed.). Tomsk, 2003. P. 241–252. (In Russ.)
10. Savel'yeva, O. M. Greek lyric poetry as “indisputable literature”. *Indo-European linguistics and classical philology – XVI (readings in memory of Professor Joseph M. Tronsky): Proceedings of the international conference (18–20 June 2012)*. (N. N. Kazansky, Ed.). St. Petersburg, 2012. P. 742–749. (In Russ.)
11. Sviyosov, E. V. Sappho and Russian love poetry of the XVIII – early XX centuries. St. Petersburg, 2003. 397 p. (In Russ.)
12. Corporeality in Russian culture: Collection of articles. (G. Kabakova, F. Kont, Eds.). Moscow, 2005. 400 p. (In Russ.)
13. Yarkho, V. N. Poetry of a religious fellowship: Sappho and Alcaeus. *Yarkho, V. N. Early Greek lyric poetry*. St. Petersburg, 1999. P. 266–310. (In Russ.)
14. Kazanskaya, M. N. Sappho fr. 183 Voigt (= Alcaeus fr. 412 Voigt) and ancient scholarship on the αἰγίς. *Indo-European linguistics and classical philology – XIX: Proceedings of the 19th conference in memory of Professor Joseph M. Tronsky (22–24 June 2015)*. (N. N. Kazansky, Ed.). St. Petersburg, 2015. P. 310–327.
15. Saffo, testimonianze e frammenti. (Camillo Neri, introduzione, testo critico, traduzione e commento). De Gruyter, 2021. 1124 p. DOI: 10.1515/97831100735918-201

Received: 22 October 2025; accepted: 13 February 2026; published: 31 March 2026